

ТРИШИНА Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: 06yana@bk.ru

МИШКИНА Мария Дмитриевна,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: mashastif@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ПРАКТИКЕ ВЫСШИХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем применения норм об исковой давности, возникающих в судебной практике. Анализируются общие вопросы исчисления срока (конкуренция субъективного и объективного критериев, квалификация производных обязательств, восстановление срока), а также специфика применения исковой давности к антикоррупционным и приватизационным искам прокурора. Цель работы - выявить пробелы правового регулирования, порождающие противоречивую судебную практику по вопросам исчисления и восстановления срока исковой давности, а также определить пути их устранения, с учётом дифференциации подходов к защите частных и публичных интересов. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и практики Верховного Суда РФ выявляются противоречия, как в общих вопросах исчисления срока, так и в специфике применения исковой давности к искам публично-правовых образований и прокурора. Делается вывод о необходимости формирования единообразной позиции высших судов, четко разграничивающей применение исковой давности к частным и публичным интересам. Предлагаются критерии для исчисления сроков исковой давности по приватизационным искам.

Ключевые слова: исковая давность, исчисление срока, прокуратура, антикоррупционные иски, приватизационные иски, частный и публичный интерес.

TRISHINA Elena Gennadevna,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department of civil procedure,
Saratov State Law Academy

MISHKINA Maria Dmitrievna,
Saratov State Law Academy

PROBLEMS OF CALCULATING THE PERIOD OF LIMITED LIABILITY IN THE PRACTICE OF THE HIGHER COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: UNRESOLVED COLLISIONS

Annotation. The article is devoted to the study of the problems of application of the rules on the limitation of actions arising in judicial practice. The general issues of calculation of the term (competition of subjective and objective criteria, qualification of derivative obligations, restoration of the term), as well as the specifics of application of the limitation of actions to anti-corruption and privatization claims of the prosecutor are analyzed. The purpose of this work is to identify gaps in legal regulation that give rise to contradictory judicial practice regarding the calculation and restoration of the statute of limitations, and to determine ways

to eliminate these gaps, taking into account the differentiation of approaches to protecting private and public interests. Based on the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, contradictions are identified both in general issues of calculating the term and in the specifics of applying the statute of limitations to claims by public legal entities and the prosecutor. It is concluded that it is necessary to form a uniform position of the higher courts that clearly distinguishes between the application of the statute of limitations to private and public interests. Criteria are proposed for calculating the statute of limitations for privatization claims.

Key words: *limitation period, calculation of the period, prosecutor's office, anti-corruption claims, privatization claims, private and public interest.*

Введение

Институт исковой давности, занимая центральное место в системе гарантий стабильности гражданского оборота, сочетает в себе материально-правовые и процессуально-правовые начала, что позволяет говорить о комплексном характере его правовой природы [1, с.152].

В доктринальном понимании срок защиты права трактуется расширительно. С.В. Рогожин определяет его, как период, в течение которого субъективное право обеспечивается комплексом юрисдикционных мер [2, с.16]. В узком, легальном смысле исковая давность — это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 ГК РФ). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 [12] содержит важные разъяснения о применении норм об исковой давности, однако отдельные вопросы сохраняют дискуссионный характер и требуют дальнейшего осмысления.

Особую значимость эти проблемы приобретают в спорах с участием публично-правовых образований и прокурора, где сталкиваются частноправовая природа исковой давности и публичный интерес. Принятие в 2024–2025 г.г. Конституционным Судом РФ ряда актов (постановление от 31 октября 2024 г. № 49-П [13], определение от 14 апреля 2025 г. № 913-О [14]), а также разработка законопроекта, вносящего изменения в ст. 217 ГК РФ, актуализируют необходимость анализа сложившихся подходов.

Субъективный и объективный критерии в механизме исчисления срока исковой давности

Согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права и о надлежащем ответчике. Законодатель закрепляет два критерия: объективный (факт нарушения) и субъективный (осведомленность лица). Как верно указывает К.Ю. Лебедева, юридическая природа срока является комплексным объективно-субъективным явлением [3, с. 26].

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ в гражданское законодательство введен предельный объективный срок исковой давности – десять лет со дня нарушения права, не завися-

щий от осведомленности лица (п. 2 ст. 196 ГК РФ) [15].

Е.А. Рыбалка выделяет три модели исчисления срока исковой давности: с момента окончания срока исполнения; с момента востребования; с момента окончания льготного срока, предоставленного должнику [4, с.165-166]. Между тем предложенная классификация не снимает ключевого вопроса: что считать моментом востребования в условиях длительного бездействия кредитора? Предъявление требования зависит от усмотрения кредитора, а значит, объективный критерий (десятилетний срок) вступает в противоречие с субъективным (момент, когда кредитор «решил» потребовать).

Практика Верховного Суда РФ демонстрирует, что проблема конкуренции критериев наиболее остро проявляется в спорах, где право на иск возникает из производного обязательства. Суды нередко «обнуляют» связь между основным и производным требованием, исчисляя срок по производному требованию самостоятельно, что нередко связано с неверной квалификацией природы требования. Показательно дело о возврате предоплаты за непоставленный товар. Суды исчислили срок с момента заявления требования, а не с даты, когда поставка должна была состояться. Верховный Суд РФ признал подход ошибочным, указав, что покупатель узнает о нарушении своего права в момент истечения согласованного срока поставки товара. Требование о возврате предоплаты производно от требования о поставке, поэтому момент возникновения права на иск является единым для обоих требований [16]. Существо данной ошибки заключается не в арифметически неверном исчислении срока. Она разрывает юридическую связь между основным и производным обязательством, позволяя кредитору искусственно «отодвигать» начало течения давности.

Аналогичная коллизия возникает по требованиям банков к страховщикам в связи со смертью заемщика, усугубляясь конкуренцией ст. 200 и ст. 966 ГК РФ. Как справедливо указывают А.В. Никитина и С.Е. Каленов, различия сокращенных сроков связаны не только с их продолжительностью, но и с определением начального момента

исчисления. В большинстве случаев закон устанавливает сокращенные субъективные сроки, но в некоторых случаях их начало связывается с объективными обстоятельствами, что влияет на применение 10-летнего предельного срока [5, с.17].

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) [17] сформулирована правовая позиция, согласно которой срок по требованию банка к страховщику о выплате страхового возмещения в связи со смертью заемщика исчисляется с даты неоплаты заемщиком очередного платежа, а не с момента отказа страховщика в выплате. Разрешая коллизию, Верховный Суд РФ придал решающее значение производному характеру требования, принципу добросовестности и профессиональному статусу банка, который, действуя разумно, мог и должен был своевременно узнать о смерти заемщика и обратиться за страховой выплатой. Формально применив объективный критерий (дата невнесения платежа), Верховный Суд РФ наполнил его субъективным содержанием, что позволяет говорить о конвергенции - сближении и взаимопроникновении - субъективного и объективного подходов. Как отмечает А.В. Егоров, наличие объективного срока не должно отвлекать от основного назначения исковой давности, поэтому исчисление должно происходить, прежде всего, по субъективному критерию [6, с.147].

Приведенные примеры обнаруживают единый системный дефект правоприменения: суды склонны рассматривать производные обязательства как автономные, исчисляя срок исковой давности по ним с момента, удобного кредитору вместо того, чтобы связывать начало течения срока с моментом нарушения основного обязательства. Верховный Суд РФ в обоих случаях последовательно восстанавливает эту связь, однако его правовые позиции, выраженные в конкретных делах и обзорах, не получили системного обобщения, что оставляет риск аналогичных ошибок в будущем.

Проблема восстановления срока исковой давности: субъектный состав

Статья 205 ГК РФ допускает восстановление срока только для граждан. В п.12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 разъясняется, что срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином - индивидуальным предпринимателем по требованиям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска. Данное положение носит императивный характер. Тем не менее, установленный запрет входит в противоречие с потреб-

ностями судебной практики. Суды, сталкиваясь с ситуациями, когда юридическое лицо объективно было лишено возможности своевременно обратиться за защитой, применяют ст. 205 ГК РФ по аналогии, восстанавливая пропущенный срок [18]. Формально такие решения ошибочны, однако они наглядно демонстрируют несовершенство действующего регулирования и его несоответствие целевому назначению института исковой давности. Как справедливо указывает В.В. Груздев, последовательное применение этой логики порождает вопрос о конституционности сложившегося правоприменения. Если индивидуальным предпринимателям в силу п. 4 ст. 23 ГК РФ отказано в восстановлении срока, то данное интерпретационное правило логично распространить и на граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации. Но тогда остается непонятным, почему закон запрещает восстановление срока некоммерческим организациям и публично-правовым образованиям, не осуществляющим предпринимательскую деятельность [7, с.72].

Представляется, что сложившееся регулирование вступает в противоречие с принципом равенства. Согласно п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 ГК РФ публично-правовые образования участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками. Это предполагает, что в вопросах защиты нарушенных прав (включая восстановление срока исковой давности) они не должны находиться в положении худшем, чем иные участники. Между тем некоммерческие организации и публично-правовые образования лишены возможности восстановить срок, в то время как граждане такой возможностью обладают. Дифференциация, не имеющая под собой конституционно значимых целей (таких как защита слабой стороны, особенности предпринимательского риска и др.), не может быть признана обоснованной. Некоммерческие организации и публично-правовые образования могут оказаться в положении худшем, а в ряде случаев и в более уязвимом, чем граждане (например, при смене руководства, утрате документов в результате чрезвычайных ситуаций), но при этом лишены возможности восстановить пропущенный срок. Это позволяет говорить о наличии конституционно-правовой проблемы, требующей либо законодательной корректировки, либо толкования со стороны Верховного Суда РФ.

Целевое назначение института восстановления срока - защита добросовестного, но объективно лишенного возможности своевременно обратиться за судебной защитой кредитора, вне зависимости от его организационно-правовой формы.

Дифференциация подходов к исчислению срока исковой давности по антикоррупционным и приватизационным искам прокурора

Юридическая природа участия прокурора в гражданском судопроизводстве обусловлена, в том числе, необходимостью защиты публичных интересов (ст. 45 ГПК РФ). Как обоснованно отмечает Е.В. Михайлова, в практике возникла серьезная проблема: применяются ли к гражданским делам, возбуждаемым на основании иска прокурора, общие правила об исковой давности? Прокуратура - уполномоченный орган государства, но государство в лице его органов не выведено законодателем из-под действия общих правил исковой давности. Следовательно, и прокурор связан сроком давности в той же мере, что и само публично-правовое образование. Поэтому исключение его требований из общего правила о применении исковой давности в гражданских делах с участием публичных образований не имеет под собой ни законодательной, ни доктринальной основы [8, с.137].

При этом, как подчёркивает Е.С. Смагина, прокуратура не наделяется государством отраслевой компетенцией, осуществляя в рамках своих универсальных полномочий защиту в цивилистическом процессе прав и интересов иных лиц. Это предопределяет наличие у прокуратуры значительно больших возможностей по защите интересов публично-правовых образований, не отраженных в конкретных субъективных правах. Несвязанность прокуратуры с деятельностью соответствующих органов и ее надзорные функции позволяют выявить действительный интерес государства, а не его органа [9, с.117-118].

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о правовой природе участия прокурора в таких спорах. А.В. Пилинцов указывает, что «срок исковой давности носит материальный характер, а прокурор является истцом исключительно процессуальным, т.е. без собственного материального интереса. Тем самым, срок давности по искам прокурора следует определять так, как если бы с аналогичным иском обратилось лицо, право которого нарушено» [10, с.117]. Процессуальный статус прокурора не должен создавать для государства ни преимуществ, ни изъятий в исчислении срока.

Можно выделить два вида требований, предъявляемых прокурором, где у судов возникают сложности при применении срока исковой давности: антикоррупционные иски - об обращении в доход Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований имущества, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на доходы, полученные законным путем; приватизационные иски - об истребовании имущества, выбывшего из владе-

ния Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в результате его незаконной приватизации (деприватизация), а также о признании сделок приватизации недействительными и применении последствий их недействительности. Заявляемые прокурором требования в обоих случаях преследует одну конечную цель - обращение имущества в доход государства. Однако принципиальное различие двух категорий исков прокурора предопределено характером защищаемых ценностей.

Антикоррупционные иски направлены на защиту конституционно-значимых ценностей: суверенитет, законность, справедливость, доверие к публичной власти. Именно это, по мнению Конституционного Суда РФ, оправдывает изъятие таких споров из-под действия общего режима исковой давности. В постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П сформулирована важная правовая позиция: сроки исковой давности не распространяются на требования Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров об обращении в доход государства имущества лиц, занимающих (занимавших) публично значимые должности и нарушивших антикоррупционные запреты. При этом сделана важная оговорка: данный подход является исключением и «не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации».

В отличие от антикоррупционных иски о деприватизации не содержат коррупционного элемента и квалифицируются как классические гражданско-правовые споры о праве собственности. Следовательно, на них распространяются общие правила ГК РФ об исковой давности без каких-либо изъятий. Эта позиция подтверждена Конституционным Судом РФ. В определении от 14 апреля 2025 г. № 913-О, со ссылкой на постановление № 49-П, подчеркнуто: освобождение антикоррупционных исков от действия сроков давности не создает особого режима для приватизационных споров. В этом же определении Конституционный Суд РФ ориентировал суды на субъективный критерий исчисления срока: момент, когда публично-правовому образованию (прокурору) стало известно или должно было стать известно о нарушении, определяется судом с учетом всех обстоятельств и не привязан жестко к дате приватизационной сделки.

Между тем данное определение при всей его важности не поставило точку в вопросе о начале течения срока исковой давности по приватизационным искам. Суд обоснованно отверг формальный подход, автоматически привязыва-

ющий начало течения срока к дате совершения приватизационной сделки, и ориентировал суды на исследование реальной осведомленности прокурора о нарушении. Но сам по себе субъективный критерий, будучи не наполненным конкретным содержанием, создает не меньшую неопределенность, чем прежний объективный. Какие обстоятельства позволяют суду сделать вывод, что прокурор должен был узнать о нарушении ранее даты прокурорской проверки? Есть ли у государства обязанность проводить ревизию законности приватизационных сделок, совершённых десятилетия назад? Если да, то с какой периодичностью? Ответы на эти вопросы отсутствуют.

До недавнего времени Верховный Суд РФ подчеркивал, что момент начала течения срока давности связан с осведомленностью публично-правового образования о нарушении его конкретного права и начинается течь с этого временного промежутка, а не с момента проверки, проводимой прокурором [19].

В обоснование требований о деприватизации прокуроры нередко ссылаются на ст. 208 ГК РФ, исключая применение исковой давности к отдельным категориям требований. В частности, делаются попытки применить абз. 2 ст. 208 ГК РФ, распространяющийся на защиту личных неимущественных прав и иных нематериальных благ. Тем не менее, суды последовательно отвергают этот подход, не признавая такие иски требованиями, направленными на защиту нематериальных благ [20].

Как обоснованно обращает внимание Е.А. Суханов, «принцип равенства участников гражданских правоотношений в полной мере относится и к случаям участия в них государства и других публично-правовых образований» [11, с.10]. Из этого следует, что не требуется создания специальных правил исчисления исковой давности для споров с участием публичных образований. Требования прокурора не включены законодателем в перечень оснований, исключающих действие давностного срока (ст. 208 ГК РФ), а, значит, должны подчиняться общему режиму. Дискуссия о сроках исковой давности по приватизационным спорам ведется не для пересмотра исторических последствий приватизации, а преследует цель защиты права собственности как конституционной ценности. Отсутствие единообразия судебной практики и четкого законодательного регулирования способно привести к утрате баланса между защитой публичных и частных имущественных интересов - когда государство, спустя десятилетия, получает неограниченную возможность изъятия приватизированного имущества, а добросовестный приобретатель лишается стабильности своего права.

Во исполнение поручения Президента РФ подготовлен законопроект, вносящий изменения в ст. 217 ГК РФ [21]. Ключевым моментом законопроекта является введение объективного пресекательного срока: срок исковой давности по искам об истребовании имущества, выбывшего из публичной собственности в результате приватизации, «во всяком случае не может превышать десять лет со дня нарушения права». Это означает, что дата прокурорской проверки утрачивает значение для исчисления срока. Даже если государство, по утверждению прокурора, только сейчас узнало о нарушении, но с момента приватизационной сделки прошло более десяти лет, иск удовлетворению не подлежит. Тем самым, законопроект предлагает жесткий формализованный критерий, исключающий судебское усмотрение и споры о том, «когда государство должно было узнать».

Однако предложенное регулирование порождает ряд новых вопросов. Формальный подход не учитывает степень добросовестности приобретателя. Единый срок для всех случаев, независимо от того, скрывало ли лицо нарушения или открыто владело имуществом, может привести к защите недобросовестных лиц, что противоречит принципам ст. 10 ГК РФ. Представляется, что действие 10-летнего срока должно быть поставлено в зависимость от добросовестности владельца: для недобросовестных лиц срок может исчисляться по общим правилам ст. 200 ГК РФ (с момента обнаружения), а для добросовестных - действовать как пресекательный.

Проведенный анализ позволяет предложить систему критериев для оценки добросовестности бездействия публично-правового образования применительно к приватизационным искам: степень публичной известности нарушения; степень добросовестности поведения собственника имущества; обстоятельства приобретения права собственности; вновь открывшиеся обстоятельства, которые не могли быть известны ранее. Закрепление этих критериев в постановлении Пленума Верховного Суда РФ позволит снизить правовую неопределённость и обеспечить баланс публичных и частных интересов.

При этом законопроект регулирует только приватизационные споры. Антикоррупционные иски остаются за рамками данного регулирования. Для них сохраняется особый, «бессрочный» режим, обусловленный защитой конституционно значимых ценностей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие системных пробелов в регулировании исчисления срока исковой давности. Оптимальным решением представляется приня-

тие Пленумом Верховного Суда РФ дополнительного постановления, которое охватило бы две группы вопросов. Во-первых, общие проблемы: правила исчисления срока по производным обязательствам; критерии добросовестности кредитора; пределы действия субъективного и объективного критериев при конкуренции норм; вопрос восстановления срока с учётом принципа равенства. Во-вторых, дифференциацию правил для антикоррупционных и приватизационных исков прокурора с учетом позиций Конституционного Суда РФ, в том числе путем введения предложенных критериев для приватизационных споров.

Список литературы:

- [1] Ильичев П. А. Некоторые вопросы определения правовой природы срока исковой давности // Актуальные проблемы российского права. - 2013. - № 2. - С. 151-155.
- [2] Рогожин С.В. Сроки защиты прав и законных интересов в частно-правовых отношениях: дисс.. канд. юрид. наук. М., 2025. – 251с.
- [3] Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: дисс.. канд. юрид. наук. Томск, 2003. - 243 с.
- [4] Рыбалка Е. А. Срок исковой давности как фактор стабилизации гражданско-правового оборота // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2018. - № 3. - С. 165-167.
- [5] Никитина А.В., Каленов С.Е. Сокращенные сроки исковой давности: перспективы развития доктрины, законодательства и судебной практики // Российский судья. - 2025. - N 8. - С. 15 - 19.
- [6] Егоров А. В. Исковая давность по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве // Вестник гражданского права. - 2018. - № 4.- Т. 18. - С.132-153
- [7] Груздев В.В. Судебное восстановление срока исковой давности // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2024.- N 8. - С. 69 - 76.
- [8] Михайлова Е.В. К вопросу об исковой давности в делах с участием публичных образований // Российский юридический журнал. - 2025. - N 2. - С. 132 - 142.
- [9] Смагина Е. С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе : дисс.. докт. юрид. наук. Саратов, 2023. – 424 с.
- [10] Пилинцов А.В. Неквалифицированный инвестор перед лицом деприватизации // Хозяйство и право. – 2025. – № 9(584). – С. 112-122.
- [11] Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 6. – С. 3-12.
- [12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»
- [13] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»
- [14] Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 N 913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Мираж» на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 196, пунктом 1 статьи 197, пунктом 1 и абзацем вторым пункта 2 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации»
- [15] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. (ред. от 28.12.2016) № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 20. ст. 2430.
- [16] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024).
- [17] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) (ред. от 25.04.2025).
- [18] Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022).
- [19] Определение ВС РФ от 01.04.2025 №302-ЭС24-20524 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453310 (дата обращения: 20.02.2026).
- [20] Определение ВС РФ от 20.05.2025 №127-КГ25-14-К4 // Официальный портал Судебные решения РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2466966 (дата обращения: 20.02.2026).
- [21] Проект Федерального закона О внесении изменения в статью 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/4e0/ex6s11ulutxm18vgatdd1cjh9i6ooqe/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A4%D0%97%20%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf>

References:

- [1] Ilyichev P. A. Some issues of determining the legal nature of the limitation period//Actual problems of Russian law. - 2013. - №. 2. - S. 151-155.
- [2] S.V. Rogozhin. Terms of protection of rights and legitimate interests in private legal relations: diss.. cand. jurid. sciences. M., 2025. - 251s.
- [3] Lebedeva K.Yu. Claim prescription in the civil law system: diss.. cand. jurid. sciences. Tomsk, 2003. - 243 s.
- [4] Fishing E. A. Limitation period as a factor in stabilizing civil law turnover//Gaps in Russian legislation. Law Journal. - 2018. - №. 3. - S. 165-167.
- [5] Nikitina A.V., Kalenov S.E. Shortened limitation periods: prospects for the development of doctrine, legislation and judicial practice//Russian judge. - 2025. - N 8. - S. 15-19.
- [6] Egorov A.V. Claim for claims for subsidiary liability in bankruptcy//Bulletin of Civil Law. - 2018. - NO. 4.- T. 18. - P.132-153
- [7] Gruzdev V.V. Judicial restoration of the limitation period//Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2024.- N 8. - S. 69 - 76.
- [8] E.V. Mikhailova. On the issue of limitation in cases involving public entities//Russian Law Journal. - 2025. - N 2. - S. 132-142.
- [9] Smagina E. S. Theoretical and practical problems of state participation in the modern civil process: diss.. doc. jurid. sciences. Saratov, 2023. - 424 s.
- [10] Pilintsov A.V. Unqualified investor in the face of deprivation//Economy and law. – 2025. – № 9(584). - S. 112-122.
- [11] Sukhanov E.A. Civil Code in the search for a balance of private and public interests//Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. – 2019. – № 6. - S. 3-12.
- [12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2015 No. 43 (ed. 22.06.2021) “ On certain issues related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on limitation of actions”
- [13] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 N 49-P “In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph two of paragraph 2 of Article 200, paragraph two of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court”
- [14] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.04.2025 No. 913-O “On refusal to accept for consideration the complaint of Mirage Limited Liability Company on violation of its constitutional rights by Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation”
- [15] Federal Law of May 7, 2013 (as amended by 28.12.2016) No. 100-FZ “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 20. Art. 2430.
- [16] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.05.2024) (ed. From 27.11.2024).
- [17] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023) (ed. From 25.04.2025).
- [18] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 12.10.2022).
- [19] Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 01.04.2025 No. 302-EC24-20524//URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453310 (date of reference: 20.02.2026).
- [20] Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 20.05.2025 No. 127-KG25-14-K4//Official portal Court decisions of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2466966 (access date: 20.02.2026).
- [21] Draft Federal Law On Amending Article 217 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation//URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/4e0/ex6s11ulutxm18vgatdd1cjhg9i6oo-qe/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A4%D0%97%20%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf>

